

ЗАПИСКИ, КОТОРЫЕ УДИВИЛИ И ПОРАДОВАЛИ

Здравствуйтесь, уважаемая редакция «Простора»! Хочется сказать, что второй номер журнала текущего года приятно удивил интересной исторической публикацией. «Дневныя записки путешествія въ Киргисъ-Кайсацкой степѣ» Николая Петровича Рычкова, русскаго путешественника и географа, датируемые 1771 годом, необычны не только по содержанию, но и по форме их подачи.

Они повествуют о трагических событіях бегства калмыцких племен из Поволжья и Севернаго Прикаспія через территорию современнаго Казахстана к горам Тянь-Шаня в Джунгарію. С целью догнать и вернуть мятежных беглецов из Орской крепости был отправлен большой отряд казаков. В составе отряда находился и адъютантъ Императорской академіи наук капитан Николай Рычков, подробно описавшій перипетіи похода.

Н. Рычков, по его словам, присоединился к отряду «для исследования достопамятныхъ мѣстъ, находящихся во владеніи киргиз-кайсацкаго народа, и собранія продуктов, находимыхъ в той странѣ».

Безусловнымъ сюрпризомъ публикации «Простора», делающей ее литературнымъ событіемъ, стало представленье записокъ в оригинальной орфографіи, благодаря чему текстъ со всеми «ерами» на концѣ слов, «ятями» и сдвоенными точками над «і», устаревшими лексикой и синтаксисомъ сохранилъ первозданный колоритъ. Эти особенности, поначалу затрудняя чтенье непривычной формой, постепенно становятся естественными и выпуклыми, поскольку пишущій думалъ и оформлялъ свою мысль именно такъ. А замедленье чтенья начинало способствовать болѣе яркой работѣ воображенія, помогая эмоционально вникнуть в содержаніе. Тут же подумалось, что многое неизбежно теряется в нынѣшнемъ прочтеніи текстовъ той эпохи.

Путь беглецов-калмыковъ, а вслѣд за ними и отряда казаковъ, пролегалъ по степямъ Южнаго Приуралья, по равнинамъ и мелкосопочнику Мугалджар (*рус. Мугоджары*).

«Многя причины, сказывають они, принудили калмыковъ уклониться изъ Россійскаго подданства; но самыя главнѣйшія поощренія къ тому были не столько отъ ихъ владѣтелей, сколько отъ нѣкоего ихъ Ламы или первосвященника, именуемаго Лаузинъ Ланчинъ, который, будучи почитаемъ отъ народа за челоувѣка безсмертнаго, возбуждалъ всѣхъ именовемъ своихъ боговъ ити въ Зюнгорію и возстановить тамъ древнее свое владычество. Слова его имѣли такое дѣйствіе въ сердцахъ суевѣрнаго народа, что каждый изъ нихъ почиталъ себѣ за долгъ жертвовать своимъ спокойствіемъ воли сего славнаго первосвященника, познающаго самыя сокровенныя дѣйствія судьбы народной».

По пути калмыцкие войска сожгли, разгромили и уничтожили форты и крепости недавно созданной Россией Яицкой линии на участке в 70 вёрст.

Лет двадцать назад в составе буровой бригады мне довелось немало поколесить в тех краях по полупустынным бесплодным просторам от Эмбы на север и восток, производя бурение нефтяных разведочных скважин. Даже обладая специальной техникой, высокой автономностью производственного быта, регулярным подвозом воды, продовольствия, горючего и прочего, тяжелейшие условия Мугалджарских степей – серьезное испытание. Зеленая бесплодная глина бывшего морского дна, солончаки, суровый климат, ветра и жестокий мороз зимой, нестерпимый зной летом, ограниченный доступ к свежей воде... Помнится одно место с красноречивым названием – Асанкеткен («Асан пошел и не вернулся»). Легко представить мытарства казачьего войска по Мугалджарам, но еще более незавидной была участь стопятидесятитысячной толпы беглых калмыков с женщинами и детьми, сотнями умиравших от голода, холода, жажды и болезней.

«Калмыки претерпѣвають великой недостатокъ въ лошадахъ; а сіе привело народъ ихъ въ толь жалостное состояніе, что многіе изъ нихъ, лишившись своихъ коней отъ труднаго зимняго пути, принуждены итти пѣшїе, неся на рукахъ малыхъ дѣтей своихъ и остатки своего имѣнїя».

По различным историческим источникам, из 140–170 человек (33 тыс. кибиток) до Цинской империи дошли менее половины. Остальные погибли в пути или попали в плен к племенам Центральной Азии. И кто вообще ведаёт, скольким из них удалось добраться до спокойного места, да и было ли оно там спокойным на самом деле...

В своем дневнике Н. Рычков пристально всматривается в ландшафт, отмечает геологические выходы золоторудных пород, железных руд, большие массивы отменного качества мрамора, который «Можнобъ съ пользою употребить на дѣланіе статуй и другихъ великолѣпныхъ зданїй», намечает пути его доставки в Россию.

Климатические условия, а также «Чрезмѣрно песчаная земля и необыкновенный холодъ (каковъ былъ во всѣ дни путешествїя нашего по симъ мѣстамъ) препятствовали произведенїю земныхъ растенїй».

Однако для своих изысканий «отстать отъ войскъ было опасно, не столько отъ Калмыкъ, бѣгущихъ въпереди насъ, сколько отъ самыхъ Киргисъ-Кайсаковъ, на постоянство которыхъ никакъ не можно положиться. Они будучи разбѣяны по всему пространству степи, не утрушатся хватать къ себѣ тѣхъ въ плѣнъ, кои не будутъ сильны защититься противу ихъ злодѣянїя».

Внимательно и детально описывает Рычков вооружение тогдашних кочевников, луки, копья, кремневые ружья, лошадей, одежду.

«Каждый Киргизецъ, идущїй въ походъ противу непрїятелей своихъ, имѣетъ при себѣ три и четыре лошади. Самая наилучшая изъ нихъ оставляется на день настоящаго ополченїя, а до того времени не обременяють ее ничѣмъ; но другїя везутъ попеременно ихъ самихъ и заготовленные ими путевые припасы. Имѣючи въ походѣ толикое число лошадей, безъ всякой нужды могутъ они проходить въ день отъ 60 до 80 верстъ».

Будучи по-писательски внимателен к деталям, Рычков создает емкие портреты встречавшихся ему людей, описывает бытовые ситуации, обычаи, нравы, верования, судебную систему Кун, обряды брачные и погребения...

Не буду пересказывать здесь подробности, оставляя читателям удовольствие самим оценить свидетельства о способах выживания в суровых краях, о ритуалах и привычках, со множеством интереснейших замечаний, среди которых случаются и довольно жесткие характеристики:

«Сколь лѣнны кѣ работѣ вообще всѣ Киргисъ-Кайсаки, столь трудолюбивы женщины въ ихъ народѣ. Все, что принадлежит до присмотра за скотомъ, до правленія домашняго и до руководѣній обыкновенныхъ въ ихъ землѣ, оставляется всегда на попеченіе женъ: мужьяжъ напротивъ того препровождаютъ жизнь свою въ праздности и въ грабительствѣ сосѣднихъ земель».

Предпринятый казачий поход не увенчался успехом. Но даже если б калмыков догнали и принудили к возвращению, совершенно немисливо представить, как в условиях распутицы и бескормицы провести их всех обратно.

Хотя беглые калмыки на пути следования имели серьезные военные столкновения с отрядами местных ханов, в итоге сложилось впечатление, что жители степей тайне сочувствовали беглецам и косвенно отвлекали преследователей на ложные маневры. В отряд регулярно прибывали посыльные с известиями о продвижении калмыков. Однако «Не лѣзя было ни вовсе опровергнуть, ниже утвердить сихъ словесныхъ предсказаній, вѣдая, что между Киргисцами и хвастовство почитается за преимущественное искусство. Мы увидимъ напоследокъ, сколь не справедливы были всѣ извѣстія отъ нихъ къ намъ принесенныя».

Все это в конечном итоге заставило руководителя экспедиции Генераль-Маіора и Кавалера фонъ Траубенберга не доверять информаторам, а выслать собственный разведывательный отряд для прояснения ситуации.

Мне же остается порекомендовать читателям не полагаться на чьи-либо комментарии, а самим открыть текст «Записок» и углубиться в него, как в Мугал-джарскую степь восемнадцатого века.

В заключение, поблагодарив редакцию «Простора» за удачную публикацию, хочу выразить надежду на то, что в портфеле журнала найдутся еще материалы с интересными историческими изысканиями.

А. Компанец

